

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Н.Ю. ЛАПИНА

**ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аналитический обзор

МОСКВА 2019

ББК 66.3; 60.524

Л 24

Серия
«Социальные и экономические аспекты глобализации»

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Отдел глобальных проблем

Лапина Н.Ю.

Л 24 **Французское общество перед вызовами глобализации:** Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. иссл. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. проблем. – М., 2019. – 51 с. – (Сер: Социал. и эконом. аспекты глобализации).
ISBN 978-5-248-00935-0

Анализируется реакция французского общества на процессы, связанные с глобализацией. Рассматриваются сдвиги в социальной структуре, нарастание центр-периферийных напряжений и восприятие этих проблем в общественном сознании. Исследуется противостояние «двух Франций». Одна из них ориентирована на открытость, а другая тяготеет к экономическому и культурному протекционизму и стремится сохранить идентичность в рамках национальных границ.

Для специалистов-международников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов.

The reaction of French society to the processes associated with globalization is analyzed. Shifts in the social sphere are considered, problems arise with the perception of these problems in the public consciousness. The confrontation of the «two Frances» is investigated. One of them is focused on openness, while the other is concerned with economic and cultural protectionism and seeks to preserve identity within national borders.

For international specialists, teachers of higher education, students and graduate students.

DOI: 10.31249/franceglob/2019.00.00

ББК 66.3; 60.524

ISBN 978-5-248-00935-0

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Вхождение в глобальный мир: Опыт Франции	9
Деиндустриализация: Трагедия последних десятилетий	16
Социальные последствия глобализации	20
Фактор 1: Включенность в инновационную экономику	21
Фактор 2: Место проживания	25
Французское общество и социальное движение	33
Заключение	44
Список литературы	47

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация – сложный и многомерный процесс взаимодействия экономик различных стран мира. Она способствует культурному и политическому сближению государств и народов, появлению новых социальных акторов, институтов, организаций. Глобализация затрагивает все сферы общественной жизни развитых, слаборазвитых и быстроразвивающихся стран – экономику, политику, социальные отношения; провоцирует глубинные изменения в социальной структуре общества. Распространение информационных технологий и новейших средств коммуникации способствует включению в глобальное информационное пространство миллионов людей, в том числе тех, кто до сих пор находился на социальной и географической периферии. Образ жизни и коллективные представления субъектов, почувствовавших себя частью глобального мира, трансформируются, порождая новые формы социального поведения и политической активности.

На протяжении четырех десятилетий в мире ведутся яростные споры о судьбах глобализации. В 1980–1990-е годы центральным был вопрос: является ли глобализация благом или злом? С началом нового столетия тема сменилась, сегодня обсуждается, следует ли в дальнейшем идти по пути глобализации или надо с него сворачивать.

Французские политики и аналитики не оставались в стороне от этих дискуссий. В 1980–1990-е годы эксперты, люди, связанные с бизнесом, окрыленные социальным оптимизмом и верой в прогресс, утверждали, что глобализация сделает мир более богатым и счастливым. В 1997 г. экономист и предприниматель, член совета директоров ряда крупных французских корпораций А. Минк выпустил в свет книгу под впечатляющим названием «Счастливая

глобализация»¹ [53]. Развитие товарного обмена, полагал автор, призвано стать мотором мировой экономики, а растущее разделение труда приведет к увеличению его производительности, повысит доходы и уровень жизни как в развитых, так и в развивающихся странах.

Высказывались и противоположные суждения. Одним из первых критиков глобализации стал американский экономист, нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, вскрывший особенности либеральной модели глобализации, которая утвердилась в мире. Он доказывал, что интересы международных финансовых организаций расходятся с интересами стран и народов, а проводимая ими политика приводит к новым социальным конфликтам и военным столкновениям [65; 66]. Во Франции о «несчастливой глобализации» писал известный экономист Р. Буайе, исследовавший, как его страна начала входжение в глобализацию и с какими сложностями столкнулась на этом пути [25]. Социолог П. Бурдье и экономист Ш.А. Мишале подчеркивали, что глобализация является следствием экспансии капиталистической системы в мировом масштабе, и если этот процесс не поставить под государственный контроль, он приведет к росту социального неравенства и еще большему разрыву между Севером и Югом [52].

В 2000-е годы экспертное сообщество начало осознавать, что представления о динамике формирования глобального экономического миропорядка, характере и структуре происходящих в мире процессов оказались слишком упрощенными. Особенно остро это проявилось в связи с мировым финансовым и экономическим кризисом 2008–2009 гг. Глобализация в ее неолиберальном варианте способствовала нестабильности в мире и росту социального неравенства, обострила многие старые и породила новые конфликты. В книге «Капитал в XXI веке» французский экономист Т. Пикетти убедительно показал, что на протяжении последних десятилетий в развитых странах происходил рост неравенства в распределении доходов и богатства и что теория «просачивания капитала», предполагающая, что обогащение немногих со временем способствует

¹ Minc A. La mondialisation heureuse. – P.: Plon, 1997. Во французском языке вместо английского «глобализация» (globalization) используется термин «мондиализация» (mondialisation).

обогащению большинства, в современном мире не работает [57]. Глобализация в том виде, в котором она осуществляется на протяжении последних десятилетий, пишет политолог, профессор Парижского университета Т. Гэнолэ, стала «политическим предприятием», обеспечивающим расхищение человеческих и материальных ресурсов планеты незначительным меньшинством. В книге «Несчастливая глобализация» он отмечал, что созданный в результате глобализации социальный порядок представляет собой «социальную пирамиду», в рамках которой власть и ресурсы сосредоточены в руках олигархии. Регулярно повторяющиеся с середины 1970-х годов финансовые и экономические кризисы являются результатом deregулирования финансовых рынков, а миграционные волны – следствием растущего неравенства между странами Севера и Юга [41].

К середине первого десятилетия XXI в. стало очевидно, что глобализация – это не линейный, а волнообразный процесс. В экспертно-аналитическом сообществе начали обсуждаться вопросы, связанные с «отливом глобализации», в научный и политический дискурс вошли такие понятия, как «деглобализация», «антиглобализация», «контрглобализм». «Деглобализация», как до нее глобализация, понимается в аналитическом сообществе по-разному. Впервые само это понятие было сформулировано индонезийским социологом и общественным деятелем В. Бело в 2002 г. Для общественной организации «Глобальный Юг в центре внимания» (Focus on the Global South), с которой сотрудничает ученый, «деглобализация не является синонимом ухода из глобальной экономики. Деглобализация представляет собой процесс реструктуризации мировой политики и социальной системы, с тем чтобы вместо того, чтобы разрушать локальную и национальную экономику, она создавала бы условия для их развития» [цит. по: 71, с. 18].

Во Франции некоторые воспринимают «деглобализацию» в прямом смысле как «выход из глобализации». В 2011 г. в свет вышла книга экономиста Ж. Сапира под названием «Деглобализация». В ней автор замечал, что глобализация никогда не была ни «счастливой», ни «мирной», поскольку «великие державы постоянно использовали силу, чтобы открывать для себя рынки и обновлять... условия обмена». Она сопровождалась насилием и войнами, привела к упадку экономики и социальной сферы как в развитых, так и в быстроразвивающихся странах [63, с. 10]. Финансовый и

экономический кризис 2008–2009 гг. свидетельствовал о том, что глобализация финансовых и товарных рынков достигла своего предела. «В ближайшие 20–30 лет мы увидим ослабление глобализации, как море уходит во время отлива», – писал Сапир [63, с. 245].

«Отлив глобализации», считает Сапир, не произойдет сам по себе, он станет результатом целенаправленной деятельности людей и общества в целом. Франции для укрепления ее экономики в новых условиях, по мнению Сапира, необходимы возвращение к национальному суверенитету; отказ от единой европейской валюты; проведение политики контроля за капиталами и активной индустриальной политики; введение тарифных барьеров, ограничивающих импорт. Сформулированные им предложения в 2017 г. легли в основу предвыборной платформы М. Ле Пен, одним из разработчиков которой стал экономист. Идеи, высказываемые антиглобалистами и евроскептиками, пользуются всё большей поддержкой во французском обществе и в Европе в целом¹.

Простого выхода из глобализации не существует, убежден французский экономист Ж. Веркёй. Специалист по экономике быстроразвивающихся стран отмечает, что сторонники «деглобализации» не учитывают, что за прошедшие сорок лет мир изменился, разные страны и человеческие сообщества включились в глобальное информационное пространство, узнали о том, как живут люди в других странах, поняли, что богатство в мире распределяется неравномерно, и сами захотели жить лучше. Рассуждая о будущем глобализации, Веркёй подчеркивает: можно создать искусственные преграды на путях движения товаров и рабочей силы, но изменить коллективные представления о желаемых формах потребления и стилях жизни невозможно [71, с. 22].

В противовес евроскептикам и противникам глобализации Э. Макрон стал первым президентом Франции, выдвинувшим обширную программу «адаптации» французской экономики и общества к глобальным изменениям. Решить эту проблему можно, считает глава государства, повысив конкурентоспособность французской

¹ На выборах в Европарламент (май 2019 г.) партия М. Ле Пен «Национальное объединение» получила самое большое число голосов (23,3%) и вышла на первое место. Результаты выборов оцениваются некоторыми аналитиками как «поражение глобализма» [13].

экономики и преодолев технологический разрыв с США (см. подробнее: [7]).

В обзоре анализируется, как Франция включилась в глобализацию, каковы были особенности и последствия этого процесса для французской экономики и социума. Вскрыть взаимосвязь между глобализацией и социальными процессами непросто [3] прежде всего потому, что не только глобализация формирует социальную реальность, но и специфика социума, его особенности и традиции, общественные настроения предопределяют степень вовлеченности страны в систему глобальных экономических связей. Автор неставил целью детальный анализ и описание экономических трансформаций. Важно было показать экономические сдвиги, которые, на наш взгляд, оказали ключевое воздействие на социальную структуру общества и на протяжении десятилетий подготавливали почву для массового движения протеста, свидетелем которого Франция стала в 2018–2019 гг.

В научной литературе экономические и социальные изменения рассматриваются на больших временных отрезках. Этот подход избрали социолог Л. Шовель [29; 30], исследовавший социальную динамику французского общества в послевоенный период, экономисты Т. Пикетти, анализировавший проблему неравенства, Р. Буайе, изучавший эволюцию национальных экономических моделей в развитых странах [54]. Этой логики придерживается и автор обзора. Нас интересовало, как французское социально-экономическое пространство трансформировалось под влиянием глобализации на протяжении четырех последних десятилетий.

Изучать проблематику глобализации на французском материале сложно. Французские исследователи большое внимание уделяли вхождению в глобальный мир Китая, Индии, России, Бразилии [20; 23; 32; 69; 70], а собственно французский опыт привлекал их в меньшей степени. Удивляться этому не приходится. С 1990-х годов широкое распространение получила точка зрения о «закате» национальной специфики, считалось, что глобализация нивелирует национальные различия. Для понимания особенностей вхождения французской экономики и общества в глобальный мир большой научный интерес представляют работы экономистов, представителей теории регулирования (*théorie de la régulation*) (М. Альетта, Р. Буайе, А. Липетц, А. Орлеан). Их подход отличается междисци-

плиарностью, экономические процессы анализируются в тесной взаимосвязи с институтами, социальными и политическими отношениями [25; 27]. Большой вклад в изучение экономических и социальных последствий глобализации в последние годы внесли географы. В своем анализе они исходили из пространственных изменений, происходящих под влиянием глобализации и сдвигов в размещении производства. После длительного перерыва во Франции вновь появились работы, посвященные изменениям в социальной структуре общества. Социологи анализируют социальные изменения с учетом экономических и демографических сдвигов [29; 30], пространственных изменений [42; 43; 44; 45]. До сих пор во Франции не появилось исследования, в котором содержался бы углубленный и всесторонний анализ вступления страны в глобальную экономику и его последствий.

Автор благодарит за рекомендации и дружескую поддержку Жюльена Веркёя (J. Vercueil), Институт восточных языков (Париж) и Ирину Георгиевну Животовскую.

Вхождение в глобальный мир: Опыт Франции

За прошедшие с начала глобализации четыре десятилетия миф о едином глобальном пространстве, в котором национальная специфика растворяется, разрушился на глазах [19, с. 71]. Интеграция различных стран в глобальное экономическое, технологическое и коммуникационное пространство происходила разными путями. Они определялись историческими традициями, действующими институтами, особенностями экономической и социальной структуры общества, уровнем образования рабочей силы и ее мобильности, зависели от продуманности решений, принимаемых политическими элитами, и способностей наемных работников, государства и руководителей бизнеса находить компромисс. Одни страны частично или полностью заимствовали американскую неолиберальную модель. Другие адаптировали ее к нуждам и возможностям своей экономики (ФРГ, Швеция, Канада). Третий вошли в глобализацию на своих условиях [70]. В Китае, Индии и Малайзии государство жестко контролировало процесс открытия экономики и содействовало развитию защищенных рынков. Эти страны, пишет Ж. Сапир, добились высоких темпов экономического роста, по-

скольку нарушали жесткие финансовые правила, установленные международными финансовыми организациями, и проводили протекционистскую политику, имея четкие «ориентиры национальной политики» [63, с. 23–24].

Франция по сравнению с другими развитыми странами вступила в глобальную экономику с опозданием. Существует мнение, что страна не восприняла неолиберальную англосаксонскую модель, поскольку та противоречила французской социально-экономической и культурной модели, в которой большая роль отводилась государству, государственному сектору экономики и развитию сектора государственных услуг [40]. «Экономический либерализм, – отмечает в этой связи социолог Л. Рубан, – во Франции не имеет глубоких корней». Эта точка зрения подтверждается результатами опросов общественного мнения: в 2017 г. ценности либеральной экономики разделяли немногим больше трети французских граждан (35%) [62, с. 16, 35]. В свою очередь американские и британские исследователи объясняют этот факт тем, что у французов, якобы, отсутствует «индустриальная жилка» [26, с. 10]. Однако такой подход оставляет без ответа вопрос, каким образом Франции в послевоенный период удалось восстановить экономику, а в 1950–1960-е годы осуществить мощный индустриальный прорыв.

Итоги «славного тридцатилетия» досконально изучены в научной литературе [28; 35]. Скажем о самом главном. Период с 1946 по 1973 г. в научной литературе характеризуется как «французское экономическое чудо»: экономика росла высокими темпами (в среднем на 5–6% в год), безработица практически отсутствовала. В эти годы во Франции, как и в других развитых странах Запада, сложилась экономическая модель «массового производства – массового потребления», на предприятиях внедрялись принципы поточного производства и новые жесткие формы организации труда. За «три славных десятилетия» экономическая и социальная структура Франции трансформировалась в большей степени, чем за предшествующие полвека. Выросла численность лиц наемного труда¹; исчез класс рантье – буржуазии, живущей за счет ренты; доля тради-

¹ В 1954 г. они составляли 13 млн, 1975 г. – 17,1 млн человек. Их удельный вес в самодеятельном населении повысился (66% – в 1954 г., 78% – в 1975 г.).

ционных средних слоев в составе населения сократилась; численно вырос средний класс, представители которого работают по найму.

Изменились отношения между трудом и капиталом. Профсоюзы, первоначально занимавшие непримиримую позицию в отношении модернизации производства и новых форм организации труда, пошли на компромисс. Внедрение новых технологий и форм организации труда компенсировалось увеличением заработной платы и развитием системы социальной защиты [25, с. 9]. Социальный договор стал важнейшей составляющей экономической модели, сложившейся во Франции в послевоенные годы. Достижение компромисса между трудом и капиталом способствовало динамичному экономическому развитию и привело к тому, что «большая часть наемных работников была впервые политически и экономически интегрирована в современное общество» [26, с. 10].

К началу 1970-х годов возможности этой экономической модели были исчерпаны. Управление макроэкономическими процессами становилось всё более проблематичным, ухудшение состояния окружающей среды и дефицит энергетических ресурсов явились ограничителями на пути дальнейшего развития крупного производства. В 1973 г. резкий скачок цен на нефть вызвал мировой экономический кризис. Послевоенный период быстрого экономического роста завершился. После «тридцати славных лет», по выражению Р. Буайе, для Франции наступили «скорбные» десятилетия.

В середине 1970-х годов начало складываться новое международное разделение труда, на мировой рынок вышли быстроразвивающиеся страны Юго-Восточной Азии, международная конкуренция обострилась. В ответ французские власти пошли по пути закрытия неконкурентоспособных предприятий. Под ударом оказались традиционные отрасли экономики: металлургия, судостроение, угольная, целлюлозно-бумажная, текстильная промышленность. Это была «крупная индустриальная катастрофа», пишут французский экономист, профессор Университета Париж-1 П. Артюс и его соавтор М.-П. Виар в книге «Франция без ее заводов». Многие легендарные предприятия из «мест жизни» превратились в «места памяти» (*lieux de mémoire*) [19, с. 18].

Старые промышленные районы (Северо-Восток, Лотарингия) приходили в упадок, а современные производства – «полюса рос-

та» – размещались в зонах нового освоения (Лазурный Берег, Приморье, Бретань, Юго-Запад). К этому времени относятся и первые эксперименты по созданию «островков инновации» – индустриальных парков и технопарков, или технополисов, как их принято называть во Франции. В 1969 г. в районе Канн и Грасса был основан первый во Франции технополис, создававшийся по образу и подобию Силиконовой долины. Тогда же в Ницце был основан технополис София-Антиполис, специализирующийся в области новейших технологий и занимающийся распространением научно-технических знаний. В 1972 г. в Гренобле на основе университета была создана зона инновационных, научных и технических исследований. Новой волной индустриализации были затронуты отдельные отрасли, однако мультиплексионный эффект от их развития для промышленности в целом и малого предпринимательства в частности оказался минимальным.

С 1980-х годов мировая экономика вступила в современную fazu глобализации. Процессы глобализации, развивавшиеся параллельно с информационной революцией, привели к зарождению в 1990-е годы глобальной информационной экономики. Наиболее полно связь между информационной революцией и глобализацией вскрыла один из лучших знатоков современности М. Кастельс. Новая экономика, писал он, «информационная¹ (informational economy), так как производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях». Она «глобальная, потому что основные виды экономической деятельности, такие как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки), организуются в глобальном масштабе. И наконец, информационная и глобальная – потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети» [5, с. 81].

Развитие глобальных взаимосвязей привело к формированию мирового рынка капиталов, товаров, услуг, рабочей силы. Глобаль-

¹ Как мы говорим, «индустриальная». – *Прим. авт.*

ные изменения мирового хозяйства определялись, во-первых, включением в международное разделение труда новых быстроразвивающихся стран (Индия, Китай, страны Юго-Восточной Азии), а с начала 1990-х годов и бывших стран социалистического лагеря и, во-вторых, обострением мировой конкуренции в условиях либерализации торговли и финансовых рынков.

В новых условиях экономика Франции становилась более открытой. В 1990 г. Франция занимала пятое место в мире по объему прямых иностранных инвестиций и превратилась в одного из ведущих экспортёров капитала в мире. Первоначально иностранные инвестиции направлялись в Латинскую Америку. Однако в силу макроэкономических проблем (провал импортозамещения, нестабильность курсов национальных валют) и политической нестабильности страны Латинской Америки не смогли с выгодой для себя включиться в глобальную экономику. Сделав ставку на страны Латинской Америки, пишет Буайе, Франция упустила свой шанс на азиатском направлении [25, с. 18].

Распространение цифровых технологий и новых средств коммуникации привело к разукрупнению производственных единиц, возникновению «рассредоточенных», или, по определению Кастельса, «сетевых предприятий», ориентированных на гибкое производство, выпуск диверсифицированной мелкосерийной продукции. На предприятиях, писал в этой связи другой исследователь, французский экономист П. Вельц, совершился «технологический переворот», а условиями конкурентоспособности становились гибкость, быстрая переориентация на выпуск новых видов изделий и высокое качество продукции [68]. Такие страны, как Япония и ФРГ, наращивали инвестиции в области научных исследований, переводили конвейерное производство на гибкие формы организации труда, приспосабливались к выпуску мелкосерийной продукции и начали выпускать промышленное оборудование нового поколения [25].

Во Франции переход к новому производственно-технологическому укладу проходил несистемно и крайне болезненно. Новые технологии в основном закупались за рубежом, а расходы на научные исследования росли недостаточно быстрыми темпами [25]. Опасаясь повторения тяжело пережитого нефтяного шока, власти продолжали уделять большое внимание развитию атомной энерге-

тики, что вплоть до наших дней обеспечивает Франции статус «ядерной монархии» [16, с. 91]. Предприятия не были готовы к переменам, а у предпринимателей отсутствовала общая стратегия модернизации [33]. Кроме этого, во Франции ставка делалась на развитие крупных компаний, которые, как полагали эксперты, наиболее конкурентоспособны на мировых рынках. На практике наибольшую адаптированность к инновационным процессам и новым технологиям продемонстрировали не производственные гиганты, а малые и средние предприятия, которые во Франции не получили должной поддержки.

Выбор приоритетных направлений инновационного развития – сложный вопрос для тех, кто отвечает за экономическую политику государства. Скандинавские страны, Канада, Австралия сделали ставку на развитие инноваций в добывающих отраслях. ФРГ и Япония ориентировались на инновации в сфере обрабатывающей промышленности и сконцентрировались на производстве новейшего высокотехнологичного оборудования. С 1990-х годов, как отмечалось в докладе Министерства экономики и финансов Франции (2017), французская промышленность начала приспосабливаться к международной конкуренции. Основной упор был сделан на высокотехнологичные отрасли, в которых у Франции имелся солидный технологический задел. В этом ряду: самолетостроение и космическая промышленность; транспорт, включая автомобильное строение и производство высокоскоростных поездов; фармацевтическая промышленность и производство предметов роскоши (парфюмерия, косметика)¹. Однако в других отраслях промышленности наблюдался спад [21].

В условиях глобализации международная конкуренция приобрела новые черты. До начала XXI в. она ограничивалась рамками «большой семерки» (G7). Ведущие страны вносили основной вклад в развитие мировой экономики, их доля в мировом промышленном производстве в 1970 г. составляла 56,1%, в 2000 г. – 59,3%; показатели Франции, соответственно, были равны 3,2 и 3%. С начала XXI в., как отмечают специалисты, соотношение сил в мировой экономике

¹ За период с 2001 по 2013 г. доля французского самолетостроения на мировом рынке возросла вдвое. Высокими темпами, опережая главного европейского конкурента ФРГ, росла фармацевтическая промышленность.

изменилось: «G7 утратила доминирующее положение в мире, в ВВП, в выпуске промышленной продукции в целом и обрабатывающих отраслей в частности», – пишет В.Г. Клинов. За период с 2000 по 2015 г. вклад стран G7 в выпуск мировой промышленности сократился с 59,3 до 36,0%. На этом фоне доля Франции в мировом промышленном производстве и ВВП снижалась быстрее, чем у ее основных европейских конкурентов, составив 1,9% (2015). Основным конкурентом развитых стран стал Китай, его доля в мировом ВВП и в выпуске промышленного производства неуклонно росла [6, с. 115].

С начала нового столетия французская экономика испытывала на себе двойное давление: ее теснили, с одной стороны, страны Юго-Восточной Азии, превратившиеся в центры производства низкотехнологичной продукции в таких отраслях, как текстильная промышленность, производство готового платья, обуви, кожаных изделий, деревообработка, бумажная промышленность, издательское дело, металлургия и производство металлических конструкций, а с другой – развитые страны, лидеры в сфере высоких технологий [25, с. 22].

Вместе с тем было бы неверно полагать, что Франция ничего не предпринимала, чтобы встать на путь инновационного развития. В регионах продолжали формироваться «ядра инновации» (технополисы в Меце, Тулузе, Нанте, Марселе). С 2004 г. начали создаваться «полюса конкурентоспособности» (ПК), в рамках которых действовали бизнес-инкубаторы, налаживалось сотрудничество между средними, малыми предприятиями, научно-техническими центрами, университетами и лабораториями [9]. В конце 2018 г. во Франции насчитывалось 66 ПК, они действовали в различных секторах экономики, у некоторых из них были программы международного сотрудничества. Однако выйти на глобальный уровень они не смогли, так и оставшись региональной инициативой.

Среди факторов, тормозивших развитие экономики знаний: неготовность французских предприятий к нововведениям; невысокая доля высокотехнологичной продукции в общем объеме промышленного производства; отсутствие во Франции предпринимателей шумпетеровского типа – экономических акторов, готовых к риску и стремящихся к нововведениям. Франция «занимает весьма скромные позиции по инновационному развитию», – пишет Е.М. Черноуцан [16, с. 97]. Согласно рейтингу «Мирового иннова-

ционного индекса» среди 126 стран в 2018 г. ей принадлежало 16-е место по показателю инновационного развития [38].

Французские и российские эксперты пишут об отставании Франции от ее основных конкурентов и о том, что этот разрыв неуклонно возрастает. В предисловии ко второму докладу Комиссии по обеспечению условий экономического роста во Франции ее председатель Ж. Аттали отмечал: «Наша страна всё еще весьма богата. Но следует понять, что высокий уровень государственной задолженности, безработицы, а также недостаточная готовность к экономике знаний угрожают ей упадком» [18, с. 7]. С этой оценкой согласен и российский экономист А.К. Кудрявцев, но пишет он об этом сдержанно, соблюдая правила политкорректности: Франция задержалась «с приспособлением своей социально-экономической модели к условиям глобализации» [8, с. 18].

Глобализация изменила привычную жизнь. Французы получили доступ к более дешевым товарам, которые отныне производятся не в их стране, а в других странах и на других континентах. Изменилась структура и размещение промышленного производства; французские предприятия включались в глобальные цепочки создания стоимости; происходили новые слияния и поглощения французских компаний. Нередко эти процессы шли вразрез с национальными интересами. В рамках обзора нет возможности рассмотреть все изменения, которые произошли в экономической жизни Франции за последние десятилетия. Сосредоточимся на процессе, который имел самые嚴重ные последствия и радикально трансформировал социальный ландшафт страны.

Деиндустриализация: Трагедия последних десятилетий

Со второй половины 1970-х годов деиндустриализация является одной из наиболее острых и болезненных тем французского общества. Тем не менее долгое время термин «деиндустриализация» в научной литературе не использовался, а публичные дискуссии на эту тему не велись. Исследователи предпочитали говорить об «изменениях» или «конверсии производства» [24]. В 1980 – 1990-е годы, пишут П. Артюс и М.-П. Виар в книге «Франция без ее заводов», во французском обществе сложился консенсус по поводу деиндустриализации: она воспринималась как неизбежный резуль-

тат внедрения новых технологий и перехода от индустриального общества к постиндустриальному [19]. Отметим, что консенсус этот объединил экспертов и лиц, принимающих решения, и не распространялся на работников закрывающихся заводов и профсоюзы, которые безуспешно пытались отстаивать свои предприятия. Следуя в русле большинства французских исследований, российские специалисты писали, что «утверждения о “деиндустриализации” Франции не имеют под собой почвы» [15, с. 108].

Почему деиндустриализация стала своеобразной темой-табу? Майские события 1968 г. свидетельствовали о том, что французское общество было готово принять новые нематериальные ценности. В 1970-е годы социологи А. Турен во Франции и Д. Белл в США сформулировали концепцию «постиндустриального общества» [67]. Идея, что на смену индустриальной экономике придет постиндустриальная экономика, в которой центральное место займут услуги, стала завоевывать умы французов. Всё чаще высказывалась мысль, что престиж государства не зависит от уровня развития промышленности [24]. Интеллектуалы, сторонники прогресса, верившие, что новые технологии открывают «горизонты счастья», были полны оптимизма, мечтали о новом альтернативном стиле жизни. К тому же в обществе росла озабоченность по поводу состояния экологии. В этом контексте промышленность стала рассматриваться не как благо, а как зло, с которым связано загрязнение окружающей среды.

История деиндустриализации во Франции насчитывает четыре десятилетия. С открытием рынков в 1970-е – первой половине 1980-х годов начали закрываться не выдержавшие международной конкуренции предприятия. В последующие годы наряду с закрытием неконкурентоспособных предприятий действовал фактор делокализации, когда предприятия или их отдельные подразделения переводились в страны «периферии», где концентрировалась дешевая рабочая сила. План был прост: лаборатории, научно-технологические центры планировалось сохранить во Франции, а за ее пределы вынести предприятия, в том числе те, которые загрязняют окружающую среду. В период с 1995 по 2001 г., по данным Национального института статистики и экономических исследований, французская промышленность только в связи с делокализацией промышленных предприятий потеряла 95 тыс. ра-

бочих мест (порядка 13,5 тыс. рабочих мест в год). Половина из них была перенесена в быстроразвивающиеся страны (Индия, Китай, страны Юго-Восточной Азии), другая половина – в восточноевропейские страны и европейские страны Юга. Вставшие на путь делокализации предприятия стремились оптимизировать свои расходы и получить доступ к местным рынкам.

Делокализация имела тяжелые последствия для французского рынка занятости. Одним из первых в 1990-е годы об этом начал писать политик и экономист Ж. Артюс, убеждавший власти поддержать отечественного производителя. Однако публично этот вопрос стал обсуждаться лишь после того, как случилось непоправимое. В результате делокализации под ударом оказалась одна из ведущих отраслей французской экономики – автомобилестроение. За период с 2000 по 2016 г. число рабочих мест в отрасли сократилось более чем на 100 тыс.; вдвое снизилось производство автомобилей, производимых на территории Франции [24]. В 2012 г. во Франции был подготовлен экспертный доклад, в котором впервые открыто говорилось о том, что «французская промышленность достигла критического порога, ниже которого ее ожидает полное разрушение». Особое внимание в нем уделялось автомобилестроению. Эксперты отмечали, что отрасль утратила конкурентные преимущества, особенно в сравнении с ФРГ, специализирующейся на выпуске моделей класса люкс [цит. по: 24].

Процесс делокализации промышленных предприятий носил волнообразный характер: за приливом последовал отлив. Первыми в Европу из Китая и стран Юго-Восточной Азии стали возвращаться немецкие предприятия (1980-е годы). В 1990-е годы во Францию вернулись предприятия по производству электроники, такие как «Nathan», «Bull», «Dassault Automaticus» [55, с. 48]. К концу первого десятилетия XXI в. масштабы делокализации заметно снизились. В период с 2009 по 2011 г. во Франции в год исчезало 6,6 тыс. рабочих мест, в 2016–2017 гг. – 1,3 тыс. рабочих мест. «Мы вступили в эпоху постглобализации», – пишет экономист, профессор Парижского университета Париж-Дофин Эль Мухуб Мухуд. В новых условиях факторы, способствовавшие делокализации, действовать перестали. Индия, Китай, Малайзия в короткий срок совершили рывок и сами начали выпускать высокотехнологичное оборудование. Зарплата наемных работников в этих странах росла, прибли-

жаясь к уровню оплаты труда в Европе. Действовали и другие ограничения, в частности, привлекательность азиатских стран снизилась после землетрясения в Японии и наводнений в Таиланде.

На сегодняшний день делокализация в промышленной сфере, можно сказать, завершилась. Компании, ранее перебазировавшиеся в страны «периферии», возвращаются во Францию, хотя говорить о масштабной релокализации не приходится. К тому же предприятия не возвращаются в те регионы, откуда выводили производственные мощности, предпочитая зоны нового промышленного освоения с развитой инфраструктурой и наличием высокопрофессиональной рабочей силы. Всё это не означает, что процесс делокализации в принципе завершился. В ближайшее десятилетие делокализация, как считают эксперты, будет интенсивно развиваться в секторе услуг, Франция в этой связи может потерять около 50% рабочих мест в банковском секторе, страховании, сфере оказания маркетинговых и консультационных услуг [56].

Ни в одной из развитых стран деиндустриализация, писал Р. Буайе в работе «Славные дни и несчастья французской промышленности», не происходила столь стремительно, как во Франции [25, с. 19]. За прошедшие годы структура французской экономики изменилась. Вклад обрабатывающей промышленности в добавленную стоимость неуклонно сокращался: в 1970 г. он составлял 26,3%, в 2000 – 14, в 2016 г. – 10% (в ФРГ этот показатель в 2016 г. был равен 20,3%, в Италии – 14, 2%) [24].

Глобализация, по временем совпавшая с информационной революцией и переходом к новому производственно-технологическому укладу, стала серьезным вызовом для Франции. Французская экономика оказалась неустойчивой к конкуренции со стороны как развитых, так и быстроразвивающихся стран. О факторах, влияющих на отставание Франции в ходе формирования экономики знаний, было сказано выше. Здесь же отметим, что недальновидная политика французских властей дорого обошлась Франции и французам. Серьезной ошибкой стала масштабная деиндустриализация. Мечта о «прекрасной постиндустриальной экономике» не осуществилась. Французская экономика всё больше отодвигается на периферию мировой экономики и, по прогнозам аналитиков, через десять лет может покинуть первую десятку крупнейших экономик мира [7, с. 82].

С середины 1980-х годов во Франции сохраняется высокий уровень безработицы. Половина ликвидированных во Франции рабочих мест, считает Ж. Сапир, вызвана делокализацией предприятий. По другим данным, до 63% сокращений рабочих мест напрямую вызваны международной конкуренцией [48, с. 21]. К структурным факторам добавились последствия экономических кризисов, одним из самых тяжелых стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., серьезно сказавшийся на состоянии рынка труда. Либерализация рынка труда способствовала изменению режима занятости полного рабочего дня за счет распространения гибких форм занятости (частичная, временная, неполный рабочий день). Система социальных отношений, которые складывались во Франции на протяжении всего послевоенного периода, вступила в полосу кризиса. Договор между трудом и капиталом, обеспечивавший трудящимся социальные гарантии, нарушен, а ослабевшие профсоюзы не в состоянии отстаивать права работающих по найму.

Парадокс, однако, заключается в том, что ни масштабная индустриализация, ни высокая безработица, ни прекариат (переход на временное краткосрочное трудоустройство) не привели во Франции к серьезным социальным катаклизмам. Объяснение тому – активная, можно сказать щедрая, социальная политика, проводимая французскими властями. По доле государственных расходов в ВВП Франция лидер в ЕС (56%). В 2018 г. по данным Евростата, в стране зафиксирован один из самых низких уровней бедности населения в мире. Активная социальная политика в течение десятилетий поддерживала социально уязвимые категории граждан, тем самым консервируя существующую социальную структуру и порождая иждивенческие настроения. Однако, как показывают социологические исследования и, более того, реальная жизнь, у такой социальной политики имеются свои пределы.

Социальные последствия глобализации

Интеграция французской экономики в глобальный мир происходила неравномерно. Отдельные отрасли и территории, ставшие частью «открытого мира», динамично развивались, другие, наоборот, погружались в кризис. За несколько десятилетий под влиянием глобализации, пишет географ К. Гиллюи, французское общество

американизировалось: отныне в нем господствуют законы рынка, растет неравенство, появились новые социальные и территориальные разломы, порождающие «беспрецедентный социальный и культурный хаос» [44, с. 9]. В этом разделе мы сосредоточимся на вопросах социальной стратификации и новых социальных разломах, которые возникли во французском обществе в последние десятилетия.

Классическое определение социальной стратификации дано П. Сорокиным в книге «Социальная стратификация и мобильность». Он рассматривал ее как «дифференциацию некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших классов. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей, наличия или отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [14, с. 302]. Представители различных научных школ по-разному оценивают тип ресурсов, моделирующих социальную иерархию. Для марксистов в основе социальных различий лежит распределение экономических ресурсов, для П. Бурдье и его последователей – наличие культурных и образовательных ресурсов и связанных с ним образа жизни и типа потребления, для М. Вебера – доступ к власти. В современных исследованиях для определения классов и слоев общества и их места в социальной иерархии во внимание все чаще принимается множественность факторов. Одни исследователи за основу принимают включенность / невключенность социальных групп в инновационную экономику, другие – фактор проживания.

Фактор 1: Включенность в инновационную экономику

Вхождение развитых, быстроразвивающихся и развивающихся стран в глобальный мир и переход к постиндустриальной экономике актуализировали проблематику, связанную с социальной стратификацией. В глобальной информационной экономике, как полагает М. Кастельс, происходит разделение работников на тех, кто включен в новейшую экономику, и тех, кто ею не востребован. К первой группе относится узкий слой занятых в сфере high-tech и soft-tech – образованные люди в возрасте 25–40 лет, зани-

мающимися генерированием, обработкой и передачей информации; лица, работающие в сфере дорогостоящих услуг. Вторая группа объединяет работников, чей труд может быть заменен машинами или другими работниками. Среди них лица, которым не удалось повысить свой профессионально-квалификационный уровень, они проигрывают в конкурентной борьбе и приближаются к люмпенизованным слоям населения [5].

О сдвигах в социальной структуре западного общества в условиях глобализации писал американский экономист Р. Райх. В 1990-е годы он издал книгу «Глобальная экономика» [59], в которой рассматривал изменения, происходившие в экономических структурах. В 2007 г. в свет вышла его книга «Суперкапитализм»¹, в которой на примере американского общества анализировались в том числе социальные последствия глобализации.

В какой степени компетенции различных социально-профессиональных групп востребованы глобальным рынком и как высоко оценивается труд их представителей? Отвечая на этот вопрос, учёный приходит к выводу, что наиболее уязвимой социальной категорией в условиях глобализации становится малоквалифицированные рабочие и рабочие средней квалификации, работники крупных промышленных предприятий, выполняющие однообразные рутинные операции. Этот тип работника не выдерживает конкуренции ни со стороны рабочих быстроразвивающихся стран, куда развитые страны переводят свои предприятия, ни со стороны высококвалифицированных рабочих, занятых на новейших предприятиях.

В несколько лучшем положении оказываются государственные служащие и другие категории занятых, чей статус защищен законом. Глобализация оказывает на них не прямое, как на индустриальных рабочих, а опосредованное воздействие. Социальное положение этих категорий трансформируется: в условиях ослабления государства всеобщего благосостояния не удается должным образом поддерживать их уровень жизни; их доходы, как и у первой категории, растя перестали.

Третью группу образуют работники, занятые в сфере оказания индивидуальных услуг (медсестры, врачи, воспитатели, репетиторы, помощники по хозяйству). Эта социальная группа численно

¹ Перевод книги на французский язык вышел год спустя: [60].

растет. Ее состав неоднороден: в нее наряду с высококвалифицированными специалистами входят лица, обладающие невысоким уровнем компетенций.

К четвертой группе относятся победители «глобального соревнования», лица, которые производят продукты и услуги, пользующиеся спросом на глобальном рынке. Автор называет их «манипуляторами символов». Это известные шоумены, журналисты, теле- и радиоведущие, спортсмены, мегазвезды шоу-бизнеса и прочие получившие мировую известность персоны, а также производители программного обеспечения, инженеры и программисты – их интеллектуальные продукты востребованы во всем мире.

Подход Райха разделяет его французский коллега Ж. Веркёй. Экономист полагает, что предложенная Райхом схема анализа может быть использована для понимания процессов во французском обществе (здесь и далее: [2]). Проецируя схему анализа Райха на французское общество, Веркёй пришел к следующим выводам.

Первая группа – индустриальные рабочие низкой и средней квалификации во Франции, как и в США, более всего затронуты глобализацией и подвержены массовой безработице. Этот тип работника, по мнению Веркёя, встречается не только в сфере производства, но и в сфере обслуживания. «Достаточно зайти в “Макдоналдс”, заглянуть в офис телефонного оператора или колл-центр, там вы встречаетесь с этой категорией занятых. Они чаще всего работают неполный рабочий день по временному контракту, а их труд оплачивается в зависимости от наработанных часов». В 1980 – 1990-е годы представители этой социальной группы составляли 25% экономически активного населения. С 1980-х годов доходы этой категории занятых растя перестали.

Вторая группа, статус которой защищен государством и законом, традиционно занимает особое место во французском обществе. Речь идет о государственных служащих, составляющих пятую часть экономически активного населения Франции (5,4 млн в 2018 г.) [34]. Доходы государственных служащих становятся несопоставимы с доходами лиц, работающих в частном бизнесе, в сфере высоких технологий и тем более с доходами представителей глобальной элиты. Не случайно наиболее амбициозные люди после нескольких лет работы на государственной службе переходят в частный бизнес. Однако для рядовых французов государственная служба оста-

ется привлекательной, поскольку гарантирует занятость. Будущее этой социальной категории неопределенно. В целях экономии государственных средств в годы президентства Н. Саркози и Ф. Олланда затраты на функции госаппарата были уменьшены. В 2010–2011 гг. в государственной службе были закрыты более 31,5 тыс. рабочих мест, освободившихся после выхода работников на пенсию [12, с. 203]. Одно из предвыборных обещаний Э. Макрона – ежегодное снижение вакансий государственных служащих на 12 тыс. в год. Жизнь внесла корректизы в эти планы. Под влиянием массового движения протеста, охватившего Францию в 2018–2019 гг., власти заявили, что сокращение занятости в государственной системе здравоохранения и образования не является приоритетным.

Третья категория занятых, связанная с оказанием услуг частным лицам, будет численно расти. Это связано как с демографической ситуацией и старением населения, так и с изменением потребительских предпочтений и увеличением спроса на медицинские и парамедицинские услуги. Эта сфера деятельности затронута глобализацией не напрямую, а опосредованно. Те из них, кто предоставляет услуги представителям элиты, имеют высокие доходы, их работа престижна, они пользуются уважением в обществе. Занятые в этой сфере представляют около четверти экономически активного населения Франции.

Четвертая категория, включающая в себя представителей глобальной элиты, во Франции не столь многочисленна, как в США. По оценкам Веркёя, «манипуляторы символами» во Франции не превышают пятой части экономически активного населения.

Глобализация нарушает до сих пор действовавшие правила формирования социальных классов и профессиональных групп. Их судьба в обществе зависит от того, насколько их представителям удается или не удается адаптироваться к трансформациям. В глобальном информационном обществе всё большее место в процессе формирования социальной структуры занимают такие факторы, как наличие образования, знание иностранных языков, умение использовать полученные знания на практике. Важнейшая особенность глобального информационного общества, как считает Кастельс, состоит в том, что генерирование, обработка и передача информации становится основным источником производительности труда и власти. Эту мысль продолжает О.И. Шкаратан: «В совре-

менную эпоху новый фактор неравенства стал заключаться в самих людях и их способностях, а именно способности осваивать информацию и применять полученные навыки и умения в своей деятельности. Этот ресурс, определяющий новый тип отношений неравенства, именуется интеллектуальным капиталом» [17, с. 117].

Фактор 2: Место проживания

Географы анализируют французское общество с точки зрения социально-пространственной дифференциации. Этот тип неравенства существовал во все времена. В 1947 г. в свет вышла книга «Париж и французская пустыня» [39]. Ее автор географ Ж.-Ф. Гравье стал одним из первых, кто исследовал пространственные, экономические и социальные диспропорции, сложившиеся в суперцентрализованной Франции. Он доказывал, что рост французской столицы происходит за счет провинции и приводит к ее истощению. Выход из сложившегося кризиса он видел в проведении политики децентрализации. В 1980-е годы во Франции с приходом социалистов к власти политика децентрализации начала осуществляться. Противоречия между центром и регионами не исчезли, но их градус несколько снизился. Однако глобализация теперь уже в новом контексте актуализировала тему социально-пространственных диспропорций.

Изучая, как французское общество менялось под влиянием глобализации и как французы реагировали на перемены, географ К. Гиллюи сконцентрировал внимание на социально-пространственных изменениях. В основе социальных различий в современном мире, как считает ученый, находится место проживания. Пространство, в котором живет человек, является специфическим ресурсом. Место проживания обеспечивает человеку доступ к другим ресурсам – образованию, социальным услугам, разнообразному и качественному культурному досугу, транспортной инфраструктуре; облегчает или, наоборот, затрудняет поиск работы. Вокруг этой оси формируются социальные классы и группы глобализированного общества. Гиллюи была предложена модель двух Франций – двух отличных друг от друга социальных пространств: Франции метрополитенских городов и ареалов (территорий, в центре которых на-

ходится один или несколько городов)¹ и «периферийной Франции». Вышедшая в 2014 г. книга К. Гиллю «Периферийная Франция» стала бестселлером [43], а сам этот термин широко используется в научном и публичном дискурсе.

Что же собой представляют две Франции и каков социальный профиль их жителей? Метрополитенские ареалы / метрополитенские города отличаются динамичным развитием; они интегрированы в систему экономических, научно-технических и культурных связей; обладают высоким инновационным потенциалом. Говоря о метрополитенских городах, Гиллю чаше всего приводит пример Парижа, который входит в международную классификацию глобальных городов [31]. Париж – город с постиндустриальной экономикой, развитым финансовым сектором, сектором услуг, во французской столице расположены всемирно известные учреждения образования и культуры. Метрополитенские города отличаются высокой концентрацией и плотностью населения. В «собственно Париже» (в рамках окружной дороги) проживает 2,2 млн человек, в Большом Париже (Париж и «малая Корона») – 6,7 млн человек, в прилегающей к нему урбанизированной зоне – 11,8 млн человек.

В индустриальную эпоху в городах население было смешанным. Представители различных классов и слоев общества – рабочие, служащие, ремесленники, лица свободных профессий, мелкая, средняя и крупная буржуазия – проживали в одном городе, каждый в своем квартале. С момента включения Франции в глобальный мир, пишет Гиллю, в метрополитенских городах происходил процесс «замещения населения» [44, с. 253]. Он развивался в нескольких направлениях.

Во-первых, с ликвидацией промышленного производства была разрушена социальная ткань города. Закрытие предприятий и рост цен на жилье² привели к вытеснению рабочих и их семей из

¹ Французское понятие «métropole» переводится на русский язык как метрополитенский ареал. Метрополитенские ареалы были созданы во Франции законом 2010 г., в соответствии с которым они получили статус территориальных сообществ; в настоящее время во Франции насчитывается 21 метрополитенский ареал и 30 метрополитенских городов.

² Глобализация привела к росту цен на недвижимость. В 1990-е годы 1 кв. м в Париже стоил 2480 евро, в настоящее время его цена выросла до 8 тыс. евро, а в престижных кварталах центра города – до 15 тыс. евро [44].

городской среды. Многие из них, не желая селиться в кварталах, где проживают иммигранты, переехали в загородную зону.

Во-вторых, метрополитенские города повсеместно превращались в центры иммиграции. Основная масса иммигрантов во Франции проживает в больших городах (60%) [44, с. 136]. Доля иммигрантов в населении города Парижа не превышает 20%, однако в ряде примыкающих к столице департаментов она составляет 40%. Выходцы из стран Северной и Черной Африки сконцентрированы в зонах дешевого социального жилья, расположенных на периферии городских агломераций, они выполняют непрестижную работу и в основном заняты в сфере услуг.

В-третьих, в метрополитенских городах развивается постиндустриальная экономика. С начала 2000-х годов 43% экономически активного населения Парижа составляли управленические работники («cadres», если использовать французскую терминологию). В столице Франции проживает одна треть всех французских управленицев. В метрополитенских городах также сосредоточены представители новых привилегированных классов. Следует оговориться, что различные авторы по-разному определяют представителей новой элиты. Гиллюи использует термин «новая буржуазия», другие пишут о «новых группах нового среднего класса» (О. Шкаратан) и «элитных слоях верхнего среднего класса» (С. Веселовский). К новой элите относятся «золотые» и «платиновые воротнички», создатели и руководители стартапов; лица, работающие в сфере дорогостоящих и всё более востребованных услуг для бизнеса (финансовый учет, налоговая, юридическая поддержка бизнеса). «Новая буржуазия» – это те лица, которые выиграли от глобализации, по оценкам Гиллюи, они составляют от 20 до 30% населения страны [46]. Ее представители сделали стремительные карьеры чаще всего в молодом возрасте, а их доходы неизменно растут; в их руках концентрируется дорогостоящая недвижимость в больших городах и престижных туристических центрах.

«Новая буржуазия» не заменяет собой традиционную буржуазию и отличается от нее по стилю жизни и привычкам. Изучавшая новую буржуазию социолог А.С. Вагнер [72] отмечает, что эти люди стали частью глобального мира, они много путешествуют, свободно владеют английским языком, с легкостью переезжают из одной страны в другую. Это «граждане мира», открытые другим

культурам и странам. Связи между ними и их коллегами за рубежом крепнут, а сам этот слой стремительно интернационализируется. В культурном отношении владение иностранными языками является важным показателем включенности в глобальный мир. Разные классы и слои общества по-разному учат иностранный язык: дети рабочих – в школе, дети из семей высшего и среднего класса и привилегированных семей – в семьях или во время стажировок за границей. Несколько иную, скорее моральную оценку представителям новой элиты дает философ М. Гоше. Для него эти люди – снобы. Между собой они общаются по-английски (явный намек на Э. Макрона и его ближайшее окружение), они оторваны от «исторической французской культуры» и живут в воображаемом пространстве, вне реальной жизни [37].

Наличие культурного капитала, обладание дипломами престижных высших учебных заведений – это лишь одна особенность новых высших слоев Франции. Вторая особенность – их материальное обогащение. В своем исследовании Т. Пикетти показал, что в последние годы доходы высших слоев росли несопоставимо с доходами других категорий занятых. В современном обществе, подчеркивает экономист, возникает принципиально новое «соединение финансового и культурного капитала», а концентрация финансов и недвижимого имущества в руках новой буржуазии в начале XXI в. по уровню может быть сопоставима лишь с концом XIX в. [58, с. 136].

При этом новые элитные слои отличаются внешней простотой, открытостью, демократизмом. Они стараются не демонстрировать своих социальных и финансовых возможностей. Одеваются неброско, дорогими машинами не пользуются, в Париже обживают «народные кварталы», те самые, где раньше располагались предприятия и жили рабочие и ремесленники. Особой популярностью у них пользуются лофты – бывшие промышленные и складские помещения, которые переоборудуются в новейшем дизайнерском стиле. Речь идет о «дорогой простоте», недоступной широким слоям населения. Одновременно они приобщаются к элементам народного стиля жизни: за покупками ходят на местные рынки, обживают скромные бары и рестораны.

Новая буржуазия принимает участие в ассоциативных движениях, поддерживает социальные меньшинства. А еще новая го-

родская буржуазия, ее часто называют «бобо» (bobo), что в переводе с французского означает «богемная буржуазия», положительно относится к притоку в страну иммигрантов. За лозунгами оказания гуманитарной помощи бедным и страдающим скрывается, как считает Гиллюи, экономический расчет. Массовый приток иммигрантов позволяет новой городской буржуазии пользоваться услугами выходцев из бедных стран, труд которых оплачивается дешевле, чем труд «белых» французов.

Глобальный мир принято считать «открытым». «Богемная буржуазия» заявляет о своей приверженности мультикультурализму. Эти высказывания, поддерживаемые массмедиа, интеллектуальным сообществом, политическими деятелями, должны заставить окружающий мир поверить в существование гипотетического «классового единства» [44, с. 76]. Но в реальности глобальные города – это «крепости», окруженные кварталами, где проживают иммигранты. «Открытое общество», пишет Гиллюи, возвращает нас в Средневековье, когда между социальными классами и слоями существовали непреодолимые преграды. Нынешний привилегированный класс при всей своей внешней демократичности стремится избежать прямых контактов с представителями других слоев. Они живут в хорошо защищенных домах и кварталах, их дети обучаются в привилегированных школах, где нет выходцев из иммигрантской среды [44, с. 23].

Вторая Франция – это Франция периферии. Здесь проживают народные слои¹. К народным слоям французские исследователи относят рабочих, значительную часть служащих, самозанятых и неработающих. Исследователи подчеркивают, что этих людей отличает ограниченность ресурсов, невысокий уровень образования, низкие доходы, отсутствие перспектив социального роста, тяжелые условия труда, высокие физические и психологические нагрузки. Т. Пикетти относит к народным слоям 50% населения Франции [58, с. 135], по подсчетам Гиллюи, 66% из них проживают в «периферийной Франции» [44, с. 136].

¹ В русском языке французское понятие «classes populaires» не имеет аналогов. В современной французской социологической и экономической литературе «народные слои» заменяют понятие «рабочий класс», которое выходит из употребления.

Народные слои не относятся французскими исследователями к бедным: их доходы чуть выше, чем у самых бедных французов, но жить им в финансовом отношении становится всё сложнее. Их положение уязвимо и нестабильно. У этих людей отсутствует «подушка безопасности» в виде сбережений. А главное, любое изменение ситуации – неблагоприятная экономическая конъюнктура, болезнь, утрата работы, развод – может привести к тяжелым последствиям [44, с. 96].

В географическом отношении «периферийная Франция» объединяет малые и средние города с числом жителей менее 100 тыс. человек, бывшие индустриальные центры Севера, Северо-Востока, Центра Франции, где новые рабочие места не создаются. «Периферийная Франция» страдает от массовой безработицы: здесь проживают 60% всех безработных. Наиболее уязвимы в социальном отношении, как уже говорилось выше, индустриальные рабочие средней и низкой квалификации. В сложном положении оказываются и служащие, особенно занятые в сфере торговли, они становятся жертвами прекаризации трудовых отношений (переход на временную или краткосрочную работу и нестандартные формы занятости). В прошлом народные слои были интегрированы в экономическую и общественную жизнь. Однако глобальное информационное общество в них не нуждается. Они оказались «вытеснены за пределы территорий, где создаются рабочие места и богатство», – пишет Гиллюи [44, с. 93].

В то время как крупные французские города развиваются, малые и средние города скучеют, превращаясь в пустыню. Не выдерживая конкуренции торговых сетей, закрываются местные лавочки и магазинчики, социальные службы в целях экономии государственных средств переводятся в более крупные департаментские центры. Телевизионные репортажи из этих мест удручают. Территориальная политика не помогает умирающим городам, поскольку помочь государства направляется крупным и богатым городским центрам. И даже экономический рост, если он когда-нибудь восстановится, будет способствовать в первую очередь росту глобальных городов, а не периферии.

Две Франции живут бок о бок, но не слышат и не понимают друг друга. В условиях глобализации двухскоростная модель развития пространства получила дополнительный импульс. Гиллюи и

его коллеги-географы не делают открытия, говоря о социально-пространственной дифференциации. Их заслуга в том, что они постоянно привлекают внимание общественности к острым проблемам, о которых умалчивалось. И в этом смысле можно согласиться с Гиллюи, когда он заявляет, что является представителем и разработчиком нового направления научных исследований – «новой социальной географии».

В социальном отношении «периферийная Франция» не возникла на пустом месте. В прошлом народные слои являлись частью среднего класса. У этих людей была стабильная работа, они вели свое хозяйство, имели небольшие семейные предприятия. Конкуренция разоряет их, глобализация и информационная революция выдворяют их из среднего класса, они ощущают снижение собственного статуса и опасаются перспектив люмпенизации.

Многие исследователи обращают внимание на сокращение численности среднего класса и его размывание. В прошлом считалось, что в развитых странах средний класс составляет от 60 до 80% населения. Т. Пикетти, анализируя социальную структуру французского общества, приходит к выводу, что в настоящее время к средним классам относится не более 40% населения Франции [58, с. 135]. В научной литературе, публичном дискурсе открыто обсуждаются вопросы исчезновения рабочего класса, роста числа бедных и обогащения горстки богатых. Тема численного сокращения среднего класса, как до нее тема деиндустриализации и обнищания периферии, замалчивается. Она оказалась крайне неудобной, поскольку средний класс традиционно рассматривается как основа стабильности в обществе, социальный базис демократии. Эта тема невыигрышна и для политических партий, которые в последние десятилетия выстраивали свои политические программы с ориентацией на средний класс. Политики предпочитают говорить о том, что средний класс меняется, приспосабливается к новым социальным условиям. В реальности средний класс раскалывается, в нем выделяется небольшая часть, приспособившаяся к новым условиям и вписавшаяся в глобальную трансформацию, и значительная часть – низшие слои, которые пополняют ряды народных слоев периферийной Франции.

Традиционная социальная структура, для которой было характерно деление на рабочий класс, буржуазию и средние классы,

ломается. В обществе появляются новые формы социального размежевания, связанные с владением не столько экономическим, сколько культурным и образовательным капиталом. Социальные трансформации сопровождаются фрагментацией и размыванием средних классов, «закупоркой» социальных каналов и сужением социальных перспектив прежде всего для тех, кто оказался на обочине жизни.

Для обозначения этих социальных процессов в обществе Гиллюи предложил формулу «двух Франций». По собственному признанию, ученый посвятил свое исследование народным слоям – обездоленным глобальной эпохи. Британский экономист Г. Стэндинг ввел в научный оборот понятие «прекариат». Прекариат – это новый социальный класс, явление глобального масштаба, его представители по многим позициям смыкаются с жителями «периферийной Франции». Эти люди живут в условиях необеспеченности, у них нет уверенности в завтрашнем дне, отсутствуют жизненные перспективы. Их благосостояние целиком зависит от работы по найму, они не получают пенсий, для них не существует оплачиваемых отпусков, нет материальной компенсации в случае болезни. Они, как правило, живут в долг, и потребительские кредиты, как полагает Стэндинг, становятся дополнительной формой эксплуатации. Большую часть времени эти люди посвящают поиску работы, соглашаясь на тяжелые условия труда и низкую оплату. «Прекариат» неоднороден: в его рядах представители рабочего класса, выходцы из иммиграции, но одновременно и лица, получившие университетский диплом. Родители этих людей имели работу, стабильное положение, а дети «живут с чувством ностальгии по ушедшим временам», многие из них отчаялись, другие озлоблены [64, с. 80].

Люди «с периферии» не вписываются в господствующую социально-экономическую модель, они не вписываются и в существующие общественно-политические структуры. В индустриальном обществе, подчеркивает философ М. Гоше, рабочий класс был сконцентрирован на предприятиях, труд рабочих был коллективным, их интересы защищали левые партии и профсоюзы. Сегодня левые партии и профсоюзные организации переживают кризис. Люди труда остались один на один со своими проблемами и порой просто не знают, как их решить [37]. Многие «белые» французы покинули большие города, не желая жить в «опасных» кварталах,

где доминируют выходцы из Северной и Черной Африки. Они оказались в загородных зонах, вдали от городов, лишенные доступа к необходимым социальным услугам.

Французское общество и социальное движение

В глобальной экономике Франции не удалось занять лидерских позиций, и это был тяжелый удар по самолюбию французов. Людям, привыкшим жить в условиях благополучия и социальной стабильности, сложно адаптироваться к новой жизни и тем более осознавать, что они больше не являются частью среднего класса. Не случайно во Франции глобализация воспринимается не как шанс, а как угроза. На вопрос: «Угрожает ли глобализация национальной идентичности вашей страны», – большинство французов (63%) наряду с греками (70%) и итальянцами (62%) отвечают утвердительно [61]. Лишь пятая часть французских граждан считает, что Франция должна «больше открыться миру» (23%), тогда как 38% полагают, что стране следует «защитить себя» [22].

На фоне экономических и социальных процессов, которые сопровождали вхождение Франции в глобальную экономику, в обществе нарастили тревожные настроения. Люди перестали верить в то, что завтра жизнь будет лучше, чем вчера, и что в будущем их собственная жизнь, жизнь их детей и в целом положение Франции улучшатся. По данным Центра изучения французской политической жизни (CEVIPOF, Centre d'étude de la vie politique française), который ежегодно на протяжении десяти лет проводит репрезентативные опросы общественного мнения, в январе 2019 г. во Франции доминировали негативные настроения: усталость (32%), мрачность (31%), недоверие (29%). Большинство опрошенных полагали, что не в состоянии контролировать собственную жизнь (58%). Французы тяжело переносят то, что их детям не удается сохранить социальный / материальный статус родителей, что в обществе перестали действовать социальные лифты (58% опрошенных полагали, что у детей меньше шансов, чем у родителей) [22]. А еще в обществе, где ценности экономического либерализма слабо укоренены, сохраняется напряженное отношение к неравенству. Меньше половины французов (45%) принимают неравенство доходов, если вы-

сокие доходы вознаграждают таланты или усилия в отличие от 52% немцев и 54% британцев [62, с. 35].

Несмотря на негативные тенденции в общественном сознании, в экспертной среде долгое время было распространено мнение, что тревожные настроения вряд ли приведут к массовым социальным протестам. Такого мнения придерживался Гиллюи, писавший о том, что мобилизовать народные слои не представляется возможным [44, с. 82]. Об этом говорил М. Гоше, утверждавший, что «периферийная Франция» «не вооружена, чтобы вести борьбу» [37]. Жизнь нередко оказывается богаче сценариев, предложенных самыми вдумчивыми аналитиками.

Недовольство в стране зрело на протяжении длительного времени. В 2018 г. рейтинг президента Э. Макрона устойчиво снижался: в сентябре его поддерживал 31%, в ноябре – 25% опрошенных. Возмущение вызывали рост налоговой нагрузки на широкие слои населения, стагнация доходов, высокий уровень безработицы, рост неравенства и отсутствие справедливости. Но самое главное – французы утратили доверие к государству и институтам власти. В январе 2019 г. институту президентской власти доверяли 23%, правительству – 22% опрошенных, на сопоставимом уровне находилось доверие к институтам представительной власти – Сенату (26%) и Национальному собранию (23%). В начале 2019 г. подавляющее большинство французских граждан полагали, что демократия в стране «не работает» (70%), а государство проводит политику в интересах отдельных лиц (70%) [22]. Избрав Э. Макрона главой государства, французы отчасти поверили его обещанию, что политика станет более открытой, что во власть придут новые люди, которые не повторят ошибок предшественников – политических зупров, правивших страной на протяжении десятилетий.

Ничто, как казалось, не предвещало бурных событий. Ни в Елисейском, ни в Матиньонском дворцах не ожидали социального взрыва. В начале ноября 2018 г. рабочий график президента Франции был очень напряженным. Э. Макрон готовился к проведению мероприятий, связанных с окончанием Первой мировой войны. Он много ездил по стране, а затем участвовал в торжествах и принимал глав государств, съехавшихся в столицу Франции. Все телевизионные каналы мира транслировали церемонию, которая проходила под сенью Триумфальной арки. Спектакль был великолепен.

Торжество в Париже было призвано поднять престиж главы государства и продемонстрировать всему миру, что Франция – это лидер мировой политики.

За празднествами и банкетами власти проглядели самое главное – в стране на протяжении многих месяцев зрело недовольство. Поводом к началу массовых движений протesta послужило увеличение цен на бензин и дизельное топливо, особенно болезненно воспринятое французами, проживающими в небольших городах и сельской местности, для которых автомобиль обеспечивает связь с внешним миром. Без него им не добраться до работы, не сделать покупок, не получить медицинской помощи. Во времена Французской революции 1789 г. простой народ требовал хлеба. В современной Франции, рассуждает историк и журналист Ж. Жюльяр, место хлеба занял автомобиль. «Повышенная стоимость горючего, власть породила у простых людей ощущение, что сама их жизнь поставлена под вопрос, что их индивидуальные свободы ограничиваются» [47, с. 39].

Франция традиционно считается страной революций и массовых движений протesta, 2018 г. подтвердил эту истину. С 10 октября в социальных сетях появились первые призывы начать выступления против правительенного решения. Однако понадобился целый месяц, чтобы протестующие от слов перешли к делу. В конце октября в Верхней Савойе состоялось первое выступление против увеличения цен на топливо. Позже в социальных сетях появился призыв, чтобы участники движения протesta надели на себя желтые жилеты – обязательную экипировку, имеющуюся в любой машине, и вышли на перекрестки, которые находятся у въезда в города. Был обозначен и день выступлений – суббота, когда большая часть французов не работает.

Первое массовое выступление «желтых жилетов» состоялось 17 ноября 2018 г., когда участники манифестации блокировали Парижскую окружную дорогу, а вслед за ней и другие дороги Франции. По данным Министерства внутренних дел, а они, как считают сами участники, сильно занижены, в этот день во Франции насчитывалось 282 тыс. протестующих, в декабре каждую субботу в движениях протesta участвовали до 140 тыс., в январе – от 70 до 75 тыс. человек.

«Желтые жилеты» – новое явление общественно-политической жизни Франции. Оно не похоже на другие движения протesta. Во-первых, движение выстроено по горизонтали, слабо структурировано, не имеет руководителей и социально-политического проекта в строгом смысле этого слова. До сих пор оно не выдвинуло из своей среды лидеров. Во-вторых, участники протesta не объединены принадлежностью к одному классу. В-третьих, движение «желтых жилетов» поражает своим охватом. В-четвертых, участники движения используют новые формы протesta: проводят частичную блокировку дорог и выходят на акции по субботам, поскольку в течение недели работают. В-пятых, не доверяющие политическим партиям и профсоюзам «желтые жилеты» самоорганизовались посредством социальных сетей.

В движениях протesta активное участие приняли широкие слои населения, представители «периферийной Франции», остро ощащающие, что они «забыты» властью. На протяжении двух месяцев «желтые жилеты» блокировали дороги и автострады практически по всей стране. Рождественские праздники не остановили участников манифестаций. В январе 2019 г. выступления возобновились, и 13 января на улицы французских городов вышли 84 тыс. протестующих. Только теперь они были менее многочисленными: 2 марта в протестах участвовали 39 тыс. человек, из них 4 тыс. в Париже; 16 марта в них приняли участие 32,3 тыс. человек, из них 8 тыс. в Париже.

Требования «желтых жилетов» не оставались неизменными. Изначально протест был направлен против повышения цен на топливо. Эксперты обращают внимание на то, что движение протesta вписывается в традицию антифискальных движений, которые возникали во Франции на протяжении всей истории – от восстаний времен Фронды (XVII в.) до «движения Пужада» (1950-е годы) [11, с. 116]. «Желтые жилеты» требовали проведения более справедливой налоговой политики и, в частности, возвращения отмененного Э. Макроном налога на крупные состояния. Достаточно быстро движение приобрело политическую окраску: «желтые жилеты» выдвинули требования отставки правительства и президента; сокращения численности парламентариев; введения пропорциональной системы в ходе парламентских выборов. Главным политическим требованием протестующих стало проведение референдума граж-

данской инициативы (referendum de l'initiative populaire). Требование прямой демократии свидетельствует о неприятии «желтыми жилетами» системы политического представительства. Оно отражает настроения разочаровавшихся в политике французов: по данным CEVIPOF, 72% граждан полагают, что референдум – хороший механизм в случае принятия жизненно важных решений [62, с. 74].

Выдвигая требование референдума, «желтые жилеты» по сути заявили, что хотели бы пересмотреть результаты президентских выборов 2017 г. Об этом свидетельствовала и антипрезидентская риторика протестующих. Они призывали президента к отставке, и эти призывы звучали как в далкой провинции, так и под окнами Елисейского дворца. Антипрезидентские выпады приобрели крайние формы: на перекрестках устанавливалась гильотина для Э. Макрона, в социальных сетях публиковались оскорбительные карикатуры на главу государства. Хотя, возможно, эти перформансы не следует понимать буквально, а лишь как проявление смеховой культуры.

Персонификация конфликта, надо полагать, связана с тем, что другого ощутимого и явного конфликта, каковым в прошлом был конфликт между трудом и капиталом, в современном мире нет. Кроме того, с самого начала президентского срока Э. Макроном были допущены серьезные ошибки. Одной из главных стала замена налога на крупные состояния налогом на крупную недвижимость. После принятия этого решения за Э. Макроном закрепилось определение «президент богатых». Негативно на репутации главы государства сказалось дело А. Беналла, советника президента, отвечавшего за вопросы безопасности, скандал с его участием произошел в мае 2018 г. За этим последовали громкие отставки министра внутренних дел Ж. Колона и министра защиты окружающей среды, популярного эколога Н. Юло. Однако эти события – лишь верхушка айсберга. За ними скрываются серьезные проблемы, связанные со снижением уровня доверия французских граждан к политическим элитам. Аналитики особо отмечали, что у президента Э. Макрона изначально была узкая избирательная база: в первом туре президентских выборов за него проголосовали 24% избирателей [62, с. 7].

Для участников движения важно было заявить о себе, быть услышанными властью, которая их игнорирует, они хотели проявления к себе минимального уважения. «Макрон должен нас услы-

шать», – повторяли «желтые жилеты». Несмотря на неудобства, связанные с блокированием дорог, население страны в целом поддержало протестующих (около 80% французов в ноябре и декабре 2018 г.). Объясняя солидарность с «желтыми жилетами», простые французы отмечали: участники протesta борются и за их права.

Под влиянием нарастающих протестов власть вынуждена была пойти на уступки. Э. Макроном 10 декабря было объявлено о введении моратория на повышение цен на горючее, а кроме этого, с 1 января 2019 г. на 100 евро увеличивалась минимальная оплата труда (Smic); сверхурочные часы освобождались от налогообложения, а пенсионеры, пенсия которых не превышает 2000 евро, – от уплаты налога на социальную солидарность. Руководителям частных предприятий было рекомендовано выплатить премии работающим (*primes d'activités*). Несмотря на уступки со стороны власти, «желтые жилеты» продолжили борьбу. «Это именно тот момент, когда мы не должны сдаваться. Мы должны продолжать. Объявления Макрона недостаточны», – отмечал в этой связи один из инициаторов и наиболее непримиримых участников движения «желтых жилетов» Э. Друэ [цит. по: 4].

В середине января президент обратился к согражданам с письмом, в котором предлагалось в течение двух ближайших месяцев (до 15 марта) провести Большие общенациональные дебаты по вопросам, которые волнуют общество. На обсуждение были вынесены следующие вопросы: как сделать систему налогообложения более справедливой; как улучшить качество государственного управления и распределить полномочия между центром и регионами; как проводить политику защиты окружающей среды и как ее финансировать; как улучшить качество демократии; наконец, как урегулировать вопросы, связанные с иммиграцией.

Обращение главы государства к согражданам в форме письма – это новый, еще не использованный нынешней властью тип коммуникации с обществом. Конечно, и до Э. Макрона президенты обращались к гражданам в форме писем. Так делали Ф. Миттеран и Н. Саркози, но они посыпали свои письма избирателям в ходе избирательной кампании. Письмо Э. Макрона – это попытка перевести острый социальный конфликт в русло конструктивного диалога. Письмо президента согражданам, как считает историк Ж. Гарриг, придавало особую торжественность моменту. Но письмо – это еще

и личный месседж, направленный всем гражданам Франции и каждому в отдельности [51]. «Ваши предложения позволят заключить новый договор с Нацией», – писал глава государства [50].

Власть подчеркивала, что Большие общенациональные дебаты должны стать независимыми, а инициатива в них будет предоставлена самим гражданам. Изначально планировалось, что в качестве организаторов дискуссии выступят мэры в своих коммунах. Это тот уровень власти, который ближе всего к людям и пользуется наибольшим доверием (58% французов им доверяют). Большие дебаты раскололи движение. Часть «желтых жилетов» приняла в них участие, другая предпочла собственные, организованные в социальных сетях Настоящие дебаты. Появились и другие линии напряжения. Кто-то из участников движения полагал, что надо действовать более агрессивно, поскольку мирные выступления ни к чему не привели. Раздавались и откровенно экстремистские призывы: радикалы требовали отставки президента и правительства, выступали за то, чтобы армия взяла власть в свои руки и сформировала «переходное правительство».

Часть движения протesta радикализировалась, к нему присоединялись хулиганы, громившие магазины, банки, рестораны. В субботу 16 марта участники протестов, среди которых было немало т.н. «blackblocs» – радикалов, одетых в черное с закрытыми лицами, учинили погром на Елисейских полях. Пострадали десятки магазинов, был разгромлен известный ресторан «Fouquet's». Столкновения с полицией приобретали всё более острый характер: зимой 2019 г., по данным Министерства внутренних дел Франции, в ходе протестов пострадали 1,7 тыс. манифестантов и 1 тыс. полицейских, в последующем этот список увеличился. Весной движение протеста пошло на спад: 6 апреля на демонстрации по всей Франции вышли 22,3 тыс. человек, 27 апреля – 23,6 тыс., 4 мая – 18,9 тыс., 11 мая – 18,6 тыс. [11, с. 126].

Большие общенациональные дебаты завершились 15 марта. Такой масштабной консультации власти с обществом в истории Франции прежде никогда не бывало. На протяжении двух месяцев по всей Франции прошли 10 335 собраний, в них участвовали 630 тыс. французов. Люди могли оставить свои предложения на платформе в Интернете или в мэриях, которые превратились в центры сбора наказов. Исследование, проведенное центром CEVIPOF,

показало, что чаще всего собрания проходили в городах, реже в сельской местности. Однако движение «желтых жилетов» – это протест периферийной Франции, его участники в городах не живут. Слабо в Больших дебатах участвовали регионы Севера и Востока, где сконцентрировано социальное неблагополучие и высок уровень голосования за «Национальное объединение», партию М. Ле Пен. Не принимали в них участие и представители молодежи, зато были активны пенсионеры. В ходе большой пресс-конференции, данной президентом 25 апреля, Э. Макрон подчеркнул, что услышал участников протестов. Глава государства пошел на уступки пенсионерам, но отказался от проведения референдума, видимо, полагая, что этот шаг может дестабилизировать власть. Аналитики подчеркивают, что глава государства не мог пойти на принципиальные уступки «желтым жилетам», так как это было бы равносильно политическому поражению [11, с. 130].

Эксперты стараются разобраться в том, что собой представляет движение «желтых жилетов», кто является его движущей силой и каково его будущее. Часть аналитиков основной упор делают на политической составляющей кризиса. Е.О. Обичкина подчеркивает, что движение стало «достаточно внятным негативным ответом как духу и содержанию, так и методам управления, предложенным Макроном» [11, с. 106]. Ее анализ носит политикоцентричный характер, всё внимание приковано к событиям, происходящим в Париже, и реакции властей на протест. О политической стороне кризиса рассуждают и другие авторы. «В движении “желтых жилетов” проявились особенности французского политического режима. Благодаря сложившимся политическим институтам – мажоритарной системе выборов в два тура и преимуществу президентских выборов над парламентскими – идеологически сплоченная элита сформировала правящий класс. Его представители отказываются обсуждать вопрос о том, как можно изменить сложившуюся модель доминирования, и по сути исключили из системы представительства те политические силы, которые ставят эти вопросы», – полагают Д. Бурмо и Н.Ю. Лапина [1].

Но одновременно с этим авторы обращают внимание и на социально-экономическую, антиглобалистскую направленность движения. Они пишут о «новых отверженных» эпохи глобализации, а в самом движении видят «отражение социального и полити-

ческого кризиса в стране, которая перед лицом масштабной неолиберальной трансформации последней четверти века упорно пытается скрыть радикальность и глубину происходивших изменений». Массовый протест явился, как они полагают, «своеобразным уроком прикладной социологии для всех тех, кто не верит в то, что французское общество действительно расколото» [1]. Этот подход созвучен с мнением К. Гиллюи, отмечавшим, что в движении протеста нашел выражение «культурный и социальный шок», который испытали на себе представители французской глубинки, оказавшиеся вне экономических и общественных структур современного глобального общества [46]. «Периферийная Франция» выступает против несправедливого распределения доходов и государственных трат; ее представители с трудом дотягивают до конца месяца, когда Елисейский дворец проводит дорогостоящие работы и делает дорогие закупки.

Во Франции были предприняты попытки делегитимации «желтых жилетов». Пресса писала о протестующих как о хулигах, которые организуют погромы и грабят магазины. Массовое движение протеста механически объединялось с темой насилия и праворадикальными настроениями. Эту позицию отчетливо выразил философ и публицист Б.-А. Леви, утверждавший, что цель «желтых жилетов» состоит в том, чтобы «набить рожу полицейскому, еврею или гомосексуалисту» [49]. Интеллектуалы писали о движении с высокомерным презрением, а массмедиа рассказывали в основном о событиях, которые происходили в Париже, и гораздо реже о том, как разворачивается протест в провинции [1].

Социологам непросто определить движущие силы протеста, поскольку он принципиально отличается от тех социальных движений, которые происходили во Франции в прошлом. В движении участвовали выходцы из различных социальных групп. Это представители низших слоев среднего класса – лица, работающие по найму, индивидуальные предприниматели, сельские хозяева, люди, утратившие надежду подняться по социальной лестнице и не видящие перспектив для своих детей. Журналист и историк Ж. Жюльяр отмечал, что протесты организованы представителями низших слоев среднего класса, которые протестуют против «моральной ситуации», в которой они оказались. Участие в движении является для них поводом «заявить о себе». Этими людьми руководят обида

и возмущение. Работая, эти «новые бедные» не могут «дотянуть» до следующей зарплаты и вынуждены отказывать себе в самом необходимом. Они не объединены принадлежностью к одному классу, у них отсутствует опыт участия в социальных движениях, многие из них впервые в жизни вышли на улицу. Это индивидуалисты, неформальным образом объединенные в рамках социальных сетей. В Париже для организации протестов они избрали для себя не те места, где традиционно проходили массовые выступления трудящихся – площадь Бастилии или площадь Республики, но роскошные районы – Елисейские поля, площадь Звезды, тем самым желая подчеркнуть, что принадлежат к состоятельным, но «обедневшим классам», продолжает Ж. Жюльяр [47, с. 40].

Это люди разного возраста – от молодых до пенсионеров, придерживающиеся различных политических взглядов. В прошлом движения протеста объединяли людей по социально-классовому принципу. В забастовках на предприятиях участвовали рабочие, служащие, технические работники. Их протест был направлен против собственников и руководителей предприятия. В прошлом, и это еще одна характеристика меняющихся общественных настроений, рабочие были далеки от мира мелких собственников. Социологи отмечают, что в 1950-е годы движение Пужада во Франции, объединившее ремесленников, самозанятых, торговцев, находило поддержку лишь у 33% рабочих и 29% служащих [36, с. 14]. В этом смысле движение «желтых жилетов» – новое явление, поскольку объединяет рабочих, служащих, ремесленников и мелких предпринимателей.

Другая важная особенность – широкая поддержка движения во французском обществе. Социологов из Французского института изучения общественного мнения (IFOP) интересовало, какие социально-профессиональные группы поддерживают участников движения и ассоциируют себя с ними. Изучение этого вопроса привело их к выводам, позволяющим говорить о социально-культурных кливажах, сложившихся в современном французском обществе.

1. Исследование показало, что важнейшим критерием, определяющим отношение к «желтым жилетам», является культурный капитал. О своей близости к «желтым жилетам» говорили 28% французов, не имеющих полного среднего образования, 16 – лиц, имеющих неполное высшее образование, и только 9% тех, кто имел

диплом о высшем образовании. Образовательная стратегия, принятая в различных социально-профессиональных группах, как считает один из руководителей института Ж. Фурке, порождает серьезный разлом во французском обществе. Рабочих, служащих, мелких собственников, ремесленников, сельских хозяев при всем различии социального статуса объединяет невысокий уровень образования. В свою очередь лишь 8% учителей, уровень доходов которых со-поставим с уровнем доходов рабочих и служащих, поддержали движение. Социокультурный раскол, существующий во французском обществе, объясняет реакцию высокомерного презрения, которую движение «желтых жилетов» вызывает в интеллектуальной среде, подчеркивает социолог.

2. До 1980-х годов политическое пространство Франции было расколото на два лагеря. На правом и левом флангах существовали политические партии, членами которых были представители различных социальных классов и групп. На левом фланге в рядах Коммунистической и Социалистической партий состояли рабочие, учителя, интеллектуалы. Их объединяло схожее видение мира, общий взгляд на будущее. Общие ценности разделяли и представители правых партий, среди них были представители буржуазии, мелких и средних предпринимателей, рабочие и сельские хозяева. За прошедшие четыре десятилетия основные течения общественной мысли, которым удавалось объединять различные социальные силы – католицизм, коммунизм, голлизм, – утратили влияние. В обществе, в котором индивидуализм берет верх над коллективизмом, утрачено взаимопонимание между различными социальными и культурными группами: высшие слои не воспринимают то, о чем говорят «желтые жилеты», а низшие слои ассоциируют себя с массовым протестом. В этом отношении интересна позиция школьных учителей. Они не присоединились к движению «желтых жилетов», но создали собственное движение «красных карандашей», основными требованиями которого являются повышение покупательной способности и улучшение условий труда в системе образования. «Несколько десятилетий назад то, что принято называть рабочим движением, организовывало и координировало эти требования в рамках единого фронта, в основе которого был классовый союз. Этой объединяющей матрицы больше не существует, а культурный

разрыв, порожденный стратификацией по образовательному признаку, очевиден», – пишет Фурке [36, с. 15].

3. Наряду с культурно-образовательным фактором большую роль в движении играет фактор географический. Выше уже говорилось, что движение «желтых жилетов» затронуло в первую очередь людей, живущих за пределами больших городов. Наибольшей поддержкой движение пользуется у лиц, проживающих в 40–60 км от города (были изучены города с числом жителей 200 тыс. и более), в меньшей степени – у французов, живущих в городе или на небольшом расстоянии от города. В свою очередь в городах, особенно больших, уровень поддержки движения невысок.

4. В прошлом в провинциальной Франции уже вспыхивали движения, объединявшие представителей разных социально-профессиональных категорий, работающих по найму и самозанятых. Достаточно вспомнить движение Красных колпаков в Бретани против введения экологической таксы на большегрузные автомобили (2013). Это движение было массовым, в ноябре 2013 г. в нем приняли участие до 40 тыс. человек, однако оно было локализовано в Бретани и не вышло за ее пределы. В отличие от него движение «желтых жилетов» охватило территорию всей страны.

На социальную арену во Франции вышли «невидимые» до сих пор люди. Они живут в провинции, вдали от городов, не имеют ни престижной работы, ни высокого уровня образования, ни высоких доходов. Чтобы их заметили, они надели на себя яркие желтые жилеты. Они хотят быть услышанными. Это протест против элитной Франции, которая «в географическом, экономическом и культурном отношениях всё больше отдаляется от простых людей». Эти люди долго сдерживали свой гнев, свое недовольство, терпели униженное положение, сегодня они требуют внимания и уважения к себе [36, с. 14].

Заключение

Франция «в меньшей степени, чем другие страны Запада, была готова к экономической глобализации» [10, с. 61]. Включение страны в глобализацию происходило с опозданием; политическое руководство не всегда понимало суть происходивших в мировой экономике процессов и не просчитывало социальных последствий

предпринимаемых шагов. В обществе длительное время накапливались нерешенные социальные проблемы, связанные с растущей социальной маргинализацией и унижением человеческого достоинства. Политики, а вместе с ними и многие эксперты игнорировали новую экономическую и социальную реальность.

А тем временем традиционная социальная структура, для которой было характерно деление на рабочий класс, буржуазию и средние классы, трансформировалась. Под влиянием глобализации сформировался новый социальный ландшафт. Существовавшие до сих пор социальные классы утрачивали статус и «размывались», на «обломках» традиционной социальной структуры возникли новые социальные образования. В обществе появились «новые бедные», «новые отверженные», их еще называют «новым пролетариатом» – люди, которые в процессе труда испытывают большие физические и психологические нагрузки и, несмотря на наличие работы, не могут обеспечить нормальный уровень существования себе и своим семьям. А на противоположном полюсе возникла «новая буржуазия», или, как пишут некоторые авторы, «новый высший слой среднего класса». Они не являются собственниками предприятий, сами нередко работают по найму, а их основным капиталом является наличие образования и компетенций, востребованных современной экономикой.

Глобальная информационная эпоха порождает новые социальные разломы. Основным из них становится размежевание по линии адаптированности / неадаптированности к глобальным процессам. «Проигравшими» от глобализации являются не только неквалифицированные или малоквалифицированные работники физического труда, но часть служащих, представителей интеллигенции, индивидуальных предпринимателей, представителей средних классов. Некоторые авторы рассматривают социальные изменения под углом зрения включенности / невключенности в социально-экономическую систему. Если в прошлом французы, работавшие по найму, были интегрированы в общество, то на протяжении последних десятилетий получил развитие феномен «социальной исключенности» (exclusion sociale) – часть французского населения всё более чувствует себя исключенной из общественной жизни. В литературе «социально исключенные» противопоставля-

ются «социально включенным» (М. Гоше), «инсайдеры» – «аутсайдерам» (Л. Шовель).

Глобальное информационное общество по структуре своей сетевое. Не случайно и социальный протест, зарождающийся в нем, носит сетевой характер. Протестное движение «желтых жилетов», охватившее Францию с осени 2018 г., стало для большинства политиков и аналитиков неожиданным и непонятным. Стихийно возникшее, оно не имело лидера, не стремилось к самоорганизации, носило сетевую структуру и организовывалось посредством социальных сетей. Это был массовый протест до сих пор молчавшей «периферийной Франции».

Существует соблазн свести движение «желтых жилетов» к выступлению против несправедливой налоговой системы и политики властей. На самом деле протест имел более широкую мотивацию и был направлен против несправедливой жизни. Истоки этого движения надо искать в истории последних четырех десятилетий. Оно не возникло бы, если бы за прошедшие годы во Франции не проводилась политика деиндустриализации, если бы страна не пережила несколько тяжелейших экономических кризисов.

На протяжении нескольких месяцев движение было массовым, но к весне 2019 г. наметился его спад. В первой половине лета, когда во Франции была страшная жара, казалось, что движение закончилось. Но протестующие вновь заявили о себе, выйдя на Елисейские поля 14 июля, в день национального праздника. Серьезным ограничением движения протеста стала неспособность протестующих к самоорганизации. «Складывается впечатление, что они просто не способны мыслить в политических категориях. В результате они обрекают себя на бессилие, становясь заложниками агрессивного меньшинства» [1]. На сегодняшний день трудно сказать, как будут развиваться события во Франции. Но одно очевидно. Даже если движение «желтых жилетов» не возобновится, на смену ему придут другие движения протesta, поскольку «периферийная Франция» и те проблемы, с которыми сталкиваются ее жители, никуда не исчезли.

Список литературы

1. Бурмо Д., Лапина Н.Ю. Движение «желтых жилетов»: Взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. – М., 2019. – № 3. – (рукопись в типографии).
2. Веркей Ж. Интервью / Архив Н.Ю. Лапиной. – М., 2019. – Апрель. – Архив автора.
3. Веселовский С.Я. Глобализация и проблема неравенства доходов в современном мире: Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 184 с.
4. «Желтые жилеты» готовят новые протесты во Франции // Корреспондент. net. – 2018. – 15.12. – Режим доступа: <https://korrespondent.net/world/4043678-zheltye-zhylety-hotoviat-novye-protesty-vo-frantsyy> (Дата обращения – 13.07.2019).
5. Кастелье М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. – М.: ГУВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Клинов В.Г. Сдвиги в мировой экономике в XXI в.: Проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. – М., 2017. – № 7. – С. 114–127.
7. Клинова М.В. Развитие промышленности и человеческого капитала во Франции // Свет и тени «эры Макрона»: Доклады Института Европы. – М.: ИЕ РАН, 2019. – № 362. – С. 81–85.
8. Кудрявцев А.К. Социально-экономический курс президента Э. Макрона: Междуду стратегией и тактикой // Франция при президенте Эммануэле Макроне: В начале пути / отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – С. 18–28.
9. Лапина Н.Ю. Новая индустриальная политика и полюса конкурентоспособности во Франции // Региональное развитие и вызовы глобализации: Сб. обзоров и рефератов / сост. и отв. ред. И.Г. Животовская, Т.В. Черноморова. – М., 2010. – С. 16–43.
10. Лапина Н.Ю. Новый этап в формировании инновационной экономики: Опыт Франции // Мировая экономика и международные отношения. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – № 1. – С. 61–71.
11. Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «Желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2019. – № 2(65). – С. 101–135.
12. Преображенская А. Французская социальная модель в условиях неустойчивости // Социальный контекст экономического развития в XXI веке / отв. ред.: Е.Ш. Гонтмахер, И.В. Гришин, И.П. Цапенко. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 200–213.
13. Работяжев Н. Выборы в Европарламент и поражение глобализма // Независимая газ. – М., 2019. – 03.06.
14. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297–425.
15. Франция. В поисках новых путей / под ред. Ю.И. Рубинского. – М.: Весь мир, 2007. – 624 с.

16. Черноуцан Е.М. Особенности реализации инновационной политики Э. Макрона: Возвращение к дирижизму? // Свет и тени «эры Макрона»: Доклады Института Европы. – М.: ИЕ РАН, 2019. – № 362. – С. 89–98.
17. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 528 с.
18. Une ambition pour 10 ans: Rapport de la commission pour la libération de la croissance française / Présidée par J. Attali. – P.: Édition XO, 2010. – 272 p.
19. Artus P., Virard M.-P. La France sans ses usines. – P.: Fayard, 2011. – 184 p.
20. Assayag J. La mondialisation vue d'ailleurs. L'Inde désorientée. – P.: Le Seuil, 2005. – 300 p.
21. Aubourg A. La mondialisation a amené l'industrie française à se spécialiser sur ses points forts: Études économiques // Le 4 pages de la Direction générale des entreprises. – 2017. – N 76, octobre. – Mode of access: https://www.entreprises.gouv.fr/files/files/directions_services/etudes-et-statistiques/4p-DGE/2017-10-4p-N76-Mondialisation.pdf (Date of access – 13.07.2019).
22. Baromètre de la confiance politique. Vague 10 / CEVIPOF. – 2019. – Janvier. – Mode of access: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/CEVIPOF_confiance_vague10-1.pdf (Date of access – 13.07.2019).
23. Boillot J.-J., Michelon N. Chine, Hong Kong, Taïwan. Une nouvelle géographie économique de l'Asie. – P.: La Documentation française, 2001. – 150 p.
24. Bost F., Messaoudi D. La désindustrialisation: Quelles réalités dans le cas français? // Revue géographique de l'Est. – P., 2017. – Vol. 57, N 1–2. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/rge/6333> (Date of access – 12.07.2019).
25. Boyer R. Heures et malheurs de l'industrie française: 1945–1995. Essor et crise d'une variante étatique du modèle fordiste. – P.: CEPREMAP, 1998. – 39 p. – (CEPREMAP Working papers; 9805).
26. Boyer R. La politique à l'ère de la mondialisation et de la finance: Le point sur quelques recherches régulationnistes. – P.: CEPREMAP, 1998. – 78 p. – (CEPREMAP Working Papers; 9820).
27. Boyer R. Economie politique des capitalismes. – P.: La Découverte, 2015. – 384 p.
28. Caron F. Les deux révolutions industrielles du XX siècle. – P.: Albin Michel, 1997. – 525 p.
29. Chauvel L. Le destin des générations: Structure sociale et cohortes en France du XX-e siècle aux années 2010. – P.: PUF, 2002. – 301 p.
30. Chauvel L. La spirale du déclassement. Essai sur la société des illusions. – P.: Seuil, 2016. – 218 p.
31. Le classement des villes mondiales/globales du GaWC, version 2016 / Globalization and World Cities – Loughborough University // Géoconfluences [site]. – 2017. – Mode of access: <http://geoconfluences.ens-lyon.fr/actualites/veille/breves/classement-global-cities-2016> (Date of access – 15.07.2019).
32. Dessillons S., Maurisse Th. Les nouveaux conquérants: Qui a peur des entreprises des pays émergents? – P.: Presses de l'Ecole des Mines, 2007. – 135 p.

33. Eyraud F., Iribarne d' A., Maurice M. Des entreprises face aux technologies flexibles: Une analyse de la dynamique du changement // Sociologie du travail. – P., 1988. – N 30(1). – P. 55–77.
34. Fonction publique: Chiffres-clés 2018 / Ministère de l'action et des comptes publiques. – Mode of access: https://www.fonction-publique.gouv.fr/files/files/statistiques/chiffres_cles/pdf/Fiche_decideurs-2018.pdf (Date of access – 12.07.2019).
35. Fourastié J. Les Trente Glorieuses ou la révolution invisible de 1946 à 1975. – P.: Fayard, 1979. – 298 p.
36. Fourquet J. «Gilets jaunes»: Radiographie sociologique et culturelle d'un mouvement // Le Figaro. – 2019. – 23.01. – P. 14–15.
37. Gauchet M. La France périphérique contre les élites. – 2018. – 09.03. – (Les entretiens de CRE). – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=_h8HeX5qXR0 (Date of access – 12.07.2019).
38. The Global Innovation Index 2018 // World intellectual property organization [site]. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf (Date of access – 13.07.2019).
39. Gravier J.-F. Paris et le désert français. – P.: Le Portulan, 1947. – 414 p.
40. Guénaire M. Le modèle français à l'épreuve de la mondialisation // Note du Cas. – 2005. – N 1, septembre. – P. 9–17.
41. Guénolé Th. Mondialisation malheureuse. – P.: First, 2016. – 333 p.
42. Guilluy Ch. Fractures françaises. – P.: Flammarion, 2013. – 206 p.
43. Guilluy Ch. La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires. – P.: Flammarion, 2014. – 185 p.
44. Guilluy Ch. Le crépuscule de la France d'en haut. – P.: Flammarion, 2016. – 272 p.
45. Guilluy Ch. No Society. La fin de la classe moyenne occidentale. – P.: Flammarion 2018. – 240 p.
46. Guilluy Ch. Interview // Radio RCJ. – 2018. – 20.11. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=0_ZQ1tfR26o (Date of access – 13.07.2019).
47. Julliard J. «La dangereuse idéologie de l'homme ordinaire» / Propos recueillis par C. Barjon, S. Courage // L'Obs. – P., 2018. – N 2822, 06.12. – P. 38–40.
48. Lefebvre M., Pestieau P. L'État-providence : Défense et illustration. – P.: PUF, 2017. – 120 p.
49. Lévy B.-H. Interview // LCI [информ. телеканал]. – 2019. – 05.03. – (Архив автомата).
50. Macron E. Lettre aux Français // Site de la Présidence de la République. – 2019. – 13.01. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/01/13/lettre-aux-francais> (Date of access – 13.07.2019).
51. Macron: Ses questions aux Français // C'est dans l'air [Emission sur France.tv]. – 2019. – 14.01. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=_aNRIRk89i0 (Date of access – 13.07.2019).
52. Michalet Ch.-A. Qu'est-ce que la mondialisation? – P.: La Découverte, 2004. – 210 p.
53. Minc A. La mondialisation heureuse. – P.: Plon, 1997. – 260 p.

54. Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine / Sous la dir. de R. Boyer et H.-F. Souyri. – P.: La Découverte, 2001. – 180 p.
55. Mouhoud E.M. Mondialisation et délocalisation des entreprises. – 3-e éd. – P.: La Découverte, 2011. – 127 p.
56. Mouhoud E.M. Il y a peu de relocalisations en France, car il y a peu de délocalisations : Entretien // Alternatives économiques. – 2018. – 23.07. – Mode of access: <https://www.alternatives-economiques.fr/y-a-de-relocalisations-france-y-a-de-delocalisation/00085625> (Date of access – 12.07.2019).
57. Piketty T. Le capital au XXIe siècle. – P.: Le Seuil, 2013. – 976 p.
58. Piketty T. Vers une économie politique et historique. Reflexions sur le capital au XXI siècle // Annales. Histoire. Sciences sociales. – P., 2015. – N 1(70). – P. 125–138.
59. Reich R. L'économie mondialisée. – P.: Dunod, 1993. – 336 p.
60. Reich R. Supercapitalisme. Le choc entre le système économique émergent et la démocratie. – P.: Vuibert, 2008. – 288 p.
61. Robin J.-P. Macron va-t-il réconcilier les Français avec la mondialisation? // Le Figaro. – P., 2017. – 27.06.
62. Rouban L. Le paradoxe du macronisme. – P.: Presses de Sciences Po, 2018. – 180 p.
63. Sapir J. La démondialisation. – P.: Seuil, 2011. – 272 p.
64. Standing G. L'avènement du précaritat / Propos recueillis par P. Richet // L'Obs. – P., 2017. – 2–8 mars, N 2730. – P. 80–81.
65. Stiglitz J. Globalization and its discontents. – N.Y.: W.W. Norton Inc., 2002. – 282 p.
66. Stiglitz J. Towards a new paradigm in monetary economics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 344 p.
67. Touraine A. La société post-industrielle. Naissance d'une société. – P.: Denoël, 1969. – 319 p.
68. Veltz P. Informatisation des industries manufacturières et intellectualisation de la production // Sociologie du travail. – P., 1986. – N 1. – P. 5–22.
69. Vercueil J. Économie politique de la Russie (1918–2018). – P.: Points, 2019. – 368 p.
70. Vercueil J. Les pays émergents: Brésil – Russie – Inde – Chine... Mutations économique et nouveaux défis. – 2-me éd. – P.: Bréal, 2011. – 222 p.
71. Verceuil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles // Une mondialisation contrariée: L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / X. Richet, J. Vercueil (Dir.). – P.: Harmattan, 2019. – P. 15–32.
72. Wagner A.-C. Les classes sociales dans la mondialisation. – P.: La Découverte, 2007. – 128 p.

Н.Ю. ЛАПИНА

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аналитический обзор

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 03.09.2019

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. 3,25

Уч.-изд. л. 2,7

Тираж 300 экз. (1–100 – 1-й завод)

Заказ № 120

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:

E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,

д. 88 литер У

